

Проблема легитимации стоит перед наукой, пожалуй, с тех пор, когда очевидным оказывается ее социальный статус. Однако сегодня гуманитарные науки оказываются в особом положении. Завоеванное в результате успешной реформы немецкого университета признание, связанное с их ролью в воспитании гражданина и формировании национальных культурных ценностей, ставится под вопрос в эпоху глобального капитализма (М. Нуссбаум). Теперь националистическая риторика в ходу по преимуществу на внутреннем рынке государств, в которых требование единой идеологии порой отвлекает внимание от слабости экономической системы. Да и там она звучит не слишком открыто, не включает явный призыв гуманитарным наукам к ее обоснованию, но сопровождается противоречивым требованием вхождения в международное научное сообщество. В этой ситуации с новой силой встает вопрос о том, каким образом могут гуманитарные науки оправдать свое присутствие в общественном разделении труда, определить значение своей роли, признанное остальными участниками.

Представляется, что для этого недостаточно определить ожидаемый и желаемый эффект, который могут производить гуманитарные науки на общество. Важно еще одно – разрешить сомнение, не будут ли науки в преследовании эффективности, ведущей к общественному признанию, изменять автономии научного исследования, собственному делу поиска истины, стремлению к научным ценностям. На это сомнение можно ответить двояко. Во-первых, указав на то, что автономия, в том смысле как ее понимали классики немецкой философии, участвующие в теоретическом обосновании реформы университета, должна истолковываться не в средневековом смысле, как отдельность существования, но как следование всеобщим целям, значимость которых существует «до разделения на мое и твое» (И. Кант). Необходимость дополнительного ответа возникает в связи с проблематичностью первого. Что следует называть всеобщими целями? Как их определить таким образом, чтобы они или следование им обрело нормативный статус, как для научных исследований, так и для всех общественных практик современности, чтобы современный экстерналистский взгляд на науку, требующий от нее общественного эффекта, не противоречил взгляду классическому интерналистскому, настаивающему на значении внутри-научных ценностей.

В докладе будет предложено истолкование классической научной ценности объективности, которое она приобретает под взглядом современной социальной эпистемологии. Будет показано, что в современных гуманитарных и социальных исследованиях стремление к объективности включает критику объективизма – т.е. рефлексии в отношении всегда присутствующей социальной ангажированности научного дискурса, а также необходимость контекстуализации любой научной репрезентации. Тем самым научное исследование движется к полноте учета многообразных позиций в отношении своего предмета. Это характерно именно для социально-гуманитарного знания, которое в философской рефлексии связывается с вниманием к человеческому, взятому в аспекте не универсальности, но исторической и социальной конкретности (В. Дильтей). Предметность математического естествознания приобретает такой же статус тогда, когда оказывается в поле внимания историка и социолога науки, то есть гуманитария. Так внутри-научная ценность объективности в гуманитарных и социальных науках сопрягается с необходимостью расширения научной коммуникации, и даже включения в нее тех субъектов,

¹ Выступление подготовлено в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты» Проект № 15-03-00572.

которые, не имея непосредственного отношения к исследованию, участвуют в формировании достоверности его предмета. Будут приведены примеры, открываемые социальными исследованиями науки и технологий (STS) и феминистской эпистемологией.

Если разделять теоретическую предпосылку о нормативном характере идеи научности в европейской культуре (Э Гуссерль), можно предположить, что такого рода коммуникативный эффект, производимый методологией научного исследования на научное сообщество, будет распределен и на все общество. При условии доброй воли ученого, стремящегося практиковать такую методологическую установку и включаться в активную популяризацию собственной деятельности, такое предположение может приобретать модус уверенности.